

АНИТА КОРАЙ

ПРИНЦЕССА
ИЗ ПЕРЕУЛКА

Anita Koray

Принцесса из переулка

«Автор»

2026

Koray A.

Принцесса из переулка / А. Koray — «Автор», 2026

Один превратил свою любовь в удушающую одержимость. Другой запер её внутри себя, выжигая душу дотла своим молчанием. Ника оказалась в эпицентре этой борьбы, даже не подозревая, что её случайное прикосновение сорвёт замки с чужих тайн и заставит старые шрамы снова кровоточить. Когда границы между заботой и безумием стираются, а правда становится опаснее лжи, остаётся лишь один вопрос: чья любовь окажется проклятием, а чья — последним шансом на спасение? И можно ли уйти от того, кто считает тебя своей собственностью?

© Koray A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вероника.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Принцесса из переулка

Глава 1. Вероника.

Лёгкий холодок пробрался под тонкое пальто, заставив меня сильнее запахнуть. Золотые нити волос, выбившиеся из-под небрежно заколотой прически, трепетали на ветру, играя со светом уличных фонарей. Вечер окутывал город, гася яркие краски дня, и я, словно мотылек, прилетевший на свет, чувствовала себя частью этой ускользающей красоты, зная, что она не вечна.

Улица, обычно наполненная гулом машин, сейчас дышала тишиной, нарушаемой лишь редкими шагами прохожих. Каждый звук отдавался в моей голове эхом, словно подчёркивая моё одиночество. Я шла, погруженная в свои мысли, в которых теснились обрывки надежд и робкие мечты.

Проклятые неполадки! Из-за них нашу школу закрыли, а нас, учеников, раскидали по всему городу, как ненужный хлам. Не знаю, можно ли назвать это везением, но завтра мое обучение продолжится в "Академии Высоких Идеалов". Название — просто запредельный пафос, но по факту это элитный инкубатор для мажоров и деток из "очень приличных" семей.

После всей этой неразберихи с переводами и бесконечной беготни с бумажками, я чувствовала себя, как выжатый лимон. Единственное, чего хочется — запереться дома, в тишине. Просто зажечь свечи, врубить музыку и хоть на пару часов выпасть из реальности. А завтра... Завтра начнется квест на выживание в этой "Академии". Там же все небось вылизанные, модные, на понтах. Хз, как я туда вообще впишусь и не буду ли выглядеть белой вороной.

Конечно, в глубине души я надеюсь, что всё будет нормально и я смогу найти там хоть пару адекватных людей. Нужно как-то собраться, выглядеть уверенно и не облажаться при знакомстве.

За окном беспросветная темнота, и утро — полный отстой. Будильник орал так, будто у него ко мне личные счеты. Подъем в такую рань — это всегда сделка с совестью, которую я стабильно проигрываю.

К первому дню я готовилась максимально сдержанно: легкий тон, чтобы скрыть недосып, тушь и нейтральный блеск. Образ — безупречный, но не кричащий. Надела форму и вышла на час раньше: нужно было пройтись пешком и выдохнуть.

Школа в три этажа выглядела как неприступная крепость. У ворот я притормозила, рассматривая территорию. Ледяной утренний воздух только усилил дрожь в коленях. "Всё будет хорошо," — едва слышно проговорила я, прежде чем нерешительно переступить порог и войти во двор.

К счастью, указатели помогли быстро найти учительскую на первом этаже. Милая женщина средних лет, представившаяся Галиной Викторовной, моей классной руководительницей, приветливо улыбнулась, выдала мне расписание и тут же уткнулась в свои бумаги, явно куда-то торопясь. «Первый урок у вас в кабинете двести пять, на втором этаже. Я тоже скоро приду, чтобы провести классный час и представить тебя ребятам».

Я замерла у самого выхода, когда сквозь звяканье чайных ложек и фоновый гул голосов пробилась одна четкая фраза. Она полоснула по ушам, заставив меня похолодеть. Женский голос — тонкий, ядовитый, пропитанный типичным учительским снобизмом, — выдал:

— Это та самая «бедная ученица» из обычной школы? М-да, Галине Викторовне, как всегда, не везет с учениками.

Эти слова ударили по нервам, как хлыст. В одно мгновение всё внутри сжалось, а к горлу подступила не слезливая жалость к себе, а острая, почти физическая ненависть. Они обожгли кожу похлеще ледяного сквозняка. «Бедная ученица». На меня повесили ярлык еще до того, как я успела прийти.

*

— Ты хоть понимаешь, что ты для них — пустое место? Ты туда придёшь со своим котелком, набитым иллюзиями, а они тебя сразу директором назначат? Ошибаешься, они быстро объяснят тебе... где твоё место. Там учатся дети нормальных людей, а не таких неудачников, как мы. Там нет знаний, только деньги. Они решают все, без них ты пустое место... Что ж, раз выхода нет и документы уже там — иди. Но я посмотрю, как они вытрут об тебя ноги, и ты прибежишь просить защиты у отца-нищеврода.

*

Пульс болезненно забился в висках, перебивая шум в голове. Каждое слово отца впивалось в кожу, как раскаленный гвоздь.

*

— Мы должны были сразу найти место в других школах... В простых, Ника. Где учатся обычные люди, а не богачи. Сама подумай, сейчас мы как-то запишем тебя туда, наскребем на эту чертову форму, но что будет потом? Ты обязана будешь платить наравне со всеми, там никого не волнует наш пустой кошелек. Начнутся принудительные взносы в фонд лица, обязательная оплата закрытых школьных путевок и лагерей, от которых нельзя просто взять и отказаться. У тебя не получится отсидеться дома, Ника. С тебя сдерут эти деньги, понимаешь? А у нас их нет. Мы просто физически не способны оплачивать твоё нахождение там.

*

Мы голодали, сэкономили на всем ради этого поступления. Отец срывался на меня и маму, мы вывернули наизнанку всю нашу жизнь — и теперь какая-то надменная женщина в этой академии обесценивает всё, через что мы прошли?

Мои пальцы с бешеной силой впились в холодную дверную ручку. Злость — горячая, кипящая, бесконтрольная — нашла выход. Я не хотела просто открыть дверь, я хотела вырвать её с корнем. Хотела ударить весь этот фальшивый мир, который смотрел на меня сверху вниз.

Резким рывком я толкнула тяжелую дубовую дверь. Глухой удар, стон, звук падающего тела.

Вся кипящая злость в одно мгновение испарилась, оставив после себя лишь глухой, безумный страх. Моё сердце пропустило удар, а в лёгких резко закончился воздух — я замерла, боясь даже вздохнуть.

На паркете в полумраке коридора лежал парень. Он со стоном скорчился, судорожно зажимая лоб рукой. Его пальцы чуть подрагивали, а из-под них по бледной коже уже поползла тонкая, тёмная струйка крови. Время словно остановилось, и в ушах зазвенело от оглушительной, мёртвой тишины.

— Прости Господи, я я не нарочно, — слова вырывались с трудом. Я рухнула на колени, даже не чувствуя, как холодный паркет впивается в кожу. — Оу — выдохнула

я, когда он убрал испачканную руку от лица. Чуть левее центра лба багровела рваная царапина, из которой густо текла кровь, размазываясь по его виску. И прямо там же, под этой сочащейся раной, кожа стремительно надувалась, наливаясь тяжелой, синеющей шишкой.

Он тряхнул головой, пытаясь сфокусировать взгляд, замер на секунду и поднял на меня свои глубокие кофейные глаза. Взгляд был слегка удивленный от удара, но в нем промелькнул живой интерес. Криво усмехнувшись, парень покачал головой:

— Бодрое начало дня... ничего не скажешь. До первого урока еще куча времени, а у меня уже искры из глаз. Ты всегда так... эффектно появляешься?

— Что? — я окончательно запуталась. Он только что стонал от боли, а теперь едва не смеялся.

Парень осторожно коснулся лба, и вдруг трагично округлил глаза. Он замер, глядя на меня с таким видом, будто я совершила нечто непоправимое.

— О нет... Ты вообще понимаешь, что натворила? — голос стал тихим и серьезным. — Всё, это конец.

— Что? Что случилось? — я похолодела, уже представляя худшее.

Он выдержал паузу, не сводя с меня своих карих глаз, а потом вдруг широко улыбнулся:

— Ты превратила меня в единорога!

— Что? — переспросила я, совершенно не понимая, к чему он клонит и почему он так на меня смотрит.

— Ты лишила эту элитную школу одного из самых нормальных лиц и заменила его на мифическое существо с рогом! — он трагично вздохнул, хотя в уголках губ уже дрожала улыбка. — Как я теперь буду смотреть людям в глаза?

Напряжение, которое сковывало меня последние несколько минут, внезапно лопнуло. Я не выдержала и легонько ударила его ладонью в плечо. Плечо под плотной тканью темно-синего пиджака оказалось неожиданно твердым и сильным, но парень отреагировал так, будто я применила к нему профессиональный прием.

— Эй! — он театрально отпрянул, изображая дикую панику. — Не обязательно меня добивать! Я и так ранен в бою, а ты решила закончить начатое? Где твоё милосердие к пострадавшему?

— Ты просто невыносим, — я фыркнула, чувствуя, как страх окончательно отступает. — Идем уже, «единорог». Тебе нужна помощь.

— Ладно-ладно, спасай меня, — он сдался, но взгляд оставался хитрым.

Медпункт оказался в конце того же коридора. Мы вошли, и парень опустился на кушетку с таким видом, будто этот кабинет был его личной резиденцией, а визиты сюда — привычной, но скучной рутинной.

Убедившись в отсутствии персонала в кабинете — даже беглый осмотр за белой ширмой не выявил присутствия кого-либо.

Пока я доставала антисептик и вату из аптечки, он наблюдал за мной. Его взгляд стал цепким, изучающим, словно он пытался прощупать все мои страхи, которые я отчаянно старалась скрыть за маской равнодушия. Под его пристальным, обезоруживающим взглядом воздух между нами словно нагрелся, заставляя меня затаить дыхание от волнения.

Я смочила вату в резком, пахнущем спиртом растворе и, набравшись смелости, подошла ближе. Склонившись над ним, я уже готова была коснуться его лба, как вдруг за спиной раздался резкий звук — дверь медпункта с шумом открылась.

Я вздрогнула и отдернула руку, будто совершала нечто предосудительное. Мы замерли в этот короткий миг, глядя друг на друга, и я успела заметить, как в его

карих глазах вспыхнул многообещающий блеск, а на губах на мгновение промелькнула хищная, почти торжествующая улыбка. Этот взгляд мгновенно заставил меня забыть, где я нахожусь, и почувствовать, как внутри всё сжимается от странного, пугающего предвкушения.

— Ольга Игоревна! — театрально завопил парень, теряя всю свою расслабленность и сползая с кушетки.

На пороге стояла женщина лет тридцати пяти в идеально выглаженном белом халате. Она не успела и слова сказать, как парень уже крепко, по-детски обнял ее.

— Яшин, прекрати этот цирк, — мягко произнесла она, высвобождаясь из его объятий. — Опять ты за своё?

— Вы только посмотрите, Ольга Игоревна! Она меня чуть не убила! — воскликнул он, указывая на шишку с таким видом, будто демонстрировал смертельное ранение.

Медсестра бросила на него взгляд, полный усталости. Она лишь скептически приподняла бровь, не обнаружив в этой «предсмертной агонии» ничего, кроме царапины.

— Для полноты картины тебе не хватает разве что чахоточного кашля, — с легким сарказмом отозвалась она, проходя к столу. — Заползай уже на кушетку. Буду тебя обрабатывать, пока ты не решишь написать завещание.

Она быстро подошла к шкафчику, взяла чистый стерильный тампон и ловко перехватила у меня из рук бутылочку с антисептиком. Пока Яшин послушно шипел от колющей боли, Ольга Игоревна аккуратно стерла свежую кровь, обработала рваную царапину и прижала к ушибу холодный пакет. В завершение она для пущего эффекта заклеила рану большим белым пластырем.

Весь «трагизм» момента тут же испарился. Довольный и теперь официально «раненый», Яшин подмигнул мне из-за спины медсестры:

— Видишь? Магия медицины. Но за единорога ты мне всё равно задолжала.

Выйдя из медпункта, парень обернулся ко мне. Белый пластырь на лбу смотрелся комично на фоне его строгого темно-синего пиджака, но парня это вообще не заботило.

— Тебе куда? — спросил он, засунув руки в карманы классических брюк.

— В двести пятый, — тихо ответила я.

Он снова замер, и его темно-карие глаза округлились. Он уставился на меня так, будто я только что призналась, что умею летать.

— Да ладно? Ты серьезно? — Яшин, словно не верил своим ушам.

— Ну... да, — я смутилась, не понимая, что его так зацепило.

— Тогда пошли, убийца, — он уже развернулся и уверенно зашагал по коридору. — Похоже, от тебя сегодня не скрыться.

Я замерла на секунду, недоуменно глядя ему в спину. *О чем это он? И почему он решил проводить меня в двести пятый кабинет?* В его словах сквозило что-то странное, намек на нечто большее, чем просто общую дорогу. Однако, несмотря на вспыхнувшее любопытство, я не стала расспрашивать. Что-то внутри подсказывало, что за этим фасадом шуток скрывается парень, который не привык давать простые ответы.

Я поплелась за ним на второй этаж. Лестница была широкой, с ажурными перилами и картинами в тяжелых рамах на стенах. С полотен на меня смотрели юноши и девушки с золотыми медалями на шеях; на других — ученики со строгим, но горделивым видом сжимали в руках высокие позолоченные кубки. С каждой ступенькой паника понемногу отступала, уступая место любопытству. Парень шел легко, его массивные кроссовки почти бесшумно касались мрамора.

— Кстати, — нарушил тишину Яшин, слегка замедлив шаг, чтобы я могла с ним сравняться. — Если уж мне суждено провести остаток учебного года с человеком, чуть было не прикончившим меня, могу ли я узнать имя своей убийцы?

В его голосе звучала ирония, но взгляд, который он бросил на меня, был теплым и полным искреннего интереса.

— Вероника, — ответила я, смущенно улыбаясь. Помедлив секунду, я протянула ему руку.

— О-о, раз всё так официально, — он тут же сжал мою ладонь в крепком и надежном рукопожатии. — Дмитрий. Для друзей просто Дима.

Проходя по длинному коридору второго этажа, где пахло дорогим полиролем и чьим-то цветочным парфюмом, мы заметили парня, облокотившегося на стену. Как только мы приблизились, он оторвался от телефона и поднял голову.

— Эй, Яшин, ты где пропал? Я думал, ты опять откосил от уроков, — ухмыльнулся он, но тут же уставился на лоб друга. — А что это у тебя на лбу? В драку ввязался?

Дима поздоровался, по-дружески хлопнув его по плечу.

— Не дожدهшься, Антох. Это Вероника, наша новенькая, меня чуть не убила дверью. Вероника, это Антон, мой друг. Он всегда за любой движ, кроме голодовки.

Антон присвистнул, бесцеремонно окинув меня внимательным взглядом.

— Ничего себе знакомство! — он протянул руку. — Надеюсь, ты не пай-девочка, как местные? А то с ними тоска смертная.

— Постараюсь тебя не разочаровать, — ответила я, пожимая его ладонь. Его прямота была куда лучше того шепота, что я слышала в учительской.

— Слушай, Дим, — подскочил Антон, — я тут подумал, может, в столовку рванем? Хапнем чего-нибудь, пока там все нормальное не разобрали.

Дима перевел взгляд на меня.

— Ник, ты с нами?

Я немного замялась. После всего пережитого хотелось просто забиться в самый дальний угол класса и выдохнуть.

— Не, спасибо, ребят. Мне нужно тут всё разведать, кабинеты поискать... А то вдруг еще кого-нибудь случайно прибью, — я впервые за день по-настоящему улыбнулась Диме, чувствуя, как внутри расправляются плечи.

Дима хмыкнул, задержав на мне взгляд на секунду дольше, чем того требовала вежливость.

— Ну, как знаешь. Если что — ищи меня в двухсотом, я там буду отсиживать остаток урока.

Они ушли, перебрасываясь шутками. Я стояла посреди пустого коридора и смотрела им вслед, пока белые кроссовки Димы не мелькнули в последний раз за поворотом. На мгновение стало удивительно легко: мой первый «враг» оказался самым приятным человеком в этом здании. Но как только эхо их шагов затихло, тишина элитной школы снова опустилась на плечи.

Я подняла лямку рюкзака, которая всё время норовила сползти с плеча, и огляделась. Гимназия была вызывающе роскошной: высокие потолки с лепниной, мрамор, в котором дрожали блики люстр, и ряды темно-серых дизайнерских шкафчиков.

Я чувствовала себя здесь инородным телом. «Бедная ученица из обычной школы» — слова той учительницы всё еще жгли изнутри.

Стараясь выглядеть уверенно, я направилась к кабинету, то и дело натываясь на группы парней, стоявших у дверей. Они будто сошли со страниц каталога дорогой

одежды: расслабленные позы, небрежно накинутые пиджаки, в руках — последние модели телефонов.

Стоило мне подойти ближе к одной из таких компаний, как их ленивый разговор оборвался. Я кожей почувствовала липкий, оценивающий взгляд — от кончиков кроссовок до моих растрепанных волос. В этом не было восхищения. Скорее жадный азарт коллекционеров, увидевших новый экспонат.

— Опа-на, вот это контент подъехал! — громко выкрикнул один, не скрываясь, и по коридору прокатился смешок.

— Ну всё, парни, прощайте мечты о спокойной жизни. Кажется, в нашем террариуме новый вид, — подхватил второй.

Свист и двусмысленные шутки полетели мне в спину. Какая-то девчонка, проходя мимо, ядовито ухмыльнулась и что-то прошептала подруге. Я прибавила шагу, чувствуя себя выставленной в витрине. Эти выкрики не льстили — они только подчеркивали, что здесь всё, включая людей, лишь предмет для оценки.

Наконец я замерла перед нужной табличкой. В этот раз я открывала дверь с предельной осторожностью, помня недавний опыт с «единорогом».

В классе было пусто, если не считать пары сумочек на первой парте. Я медленно прошла вдоль рядов. В воздухе застыл шлейф дорогого парфюма, смешанный с каким-то уютным, почти домашним спокойствием. Плакаты с правилами на стенах не казались строгими — в мягком свете всё выглядело почти дружелюбным.

Мой взгляд зацепился за шкаф с поделками: резное дерево, вязаные куклы, вышивки. Каждая мелочь будто хранила частичку чьей-то судьбы, а пара обнимающихся пластилиновых фигурок на полке заставляла верить, что этот кабинет видел немало историй первой любви.

Я выбрала место в предпоследнем ряду у окна. Отсюда была видна школьная территория: идеально подстриженные газоны, фонтан и парковка с машинами, стоимость которых могла бы обеспечить мой район на год вперед.

Я прислонилась лбом к прохладному стеклу, наконец позволяя себе расслабиться. Тишина кабинета была целительной. Здесь, вдали от свиста и сальных шуточек, я наконец-то почувствовала себя собой, а не «новой игрушкой» в этом золотом террариуме.

Но стоило мне закрыть глаза, как в коридоре снова послышались шаги — сначала размеренные, а затем — гулкий, уверенный стук каблучков. Похоже, уединение закончилось быстрее, чем я рассчитывала.

Дверь открылась плавно, и в класс вплыла группа девушек, окруженная ароматом тяжелого парфюма.

На каждой из них была безупречно отглаженная школьная форма: темно-синие жакеты с золотистыми пуговицами и аккуратные галстуки, которые выглядели как эталон стиля. Даже несмотря на то, что одежда была идентичной, каждая девушка умудрилась привнести в образ что-то своё, подчеркивающее их статус.

Первой шла блондинка с идеально уложенным высоким хвостом и графичной челкой — её форма сидела настолько безупречно, будто была сшита по персональным меркам, а на губах застыла едва уловимая, гордая улыбка человека, привыкшего к тому, что все двери открываются перед ним сами собой. Рядом с ней двигалась девушка с длинными каштановыми волосами, чья нежная внешность мягко оттеняла строгость синего жакета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.